Застава богатырская

Кабы жили на за́ставы бога́тыри,
Недалёко от города — за двенадцеть верст,
Кабы жили они да тут петнадцеть лет,
Кабы тридцеть-то их было да со богатырём;
Не видали не конного, не пешого,
Не прохожого они тут, не проежжого,
Да не серой тут волк не прорыскивал,
Не ясен сокол не пролётывал,
Да не руськой богатырь не проежживал.
Кабы триццеть-то было богатырей со богатырём:
Атаманом-то — стар казак Илья Муромец,
Илья Муромець да сын Иванович,
Подуто́маньём — Самсон да Колыбанович,
Да Добрыня-то Микитич жил во писарях,
Да Олеша-то Попович жил во поварах,
Да и Мишка Торопа́нишко жил во конюхах,
Да и жил тут Василей сын Буслаевич,
Да и жил тут Васинька Игнатьевич,
Да и жил тут Дюк да сын Степанович,
Да и жил тут Пермя́ да сын Васильевич,
Да и жил тут Родивон да Превысокие,
Да и жил тут Микита да Преширокие,
Да и жил тут Потанюшка Хроминькой,
Затем По́тык Михайло сын Иванович,
Затем жил тут Дунай да сын Иванович,
Да и был тут Чурило блады Пленкович,
Да и был тут Скопин сын Иванович,
Тут и жили два брата, два родимые,
Да Лука да Матвей, дети Петровыя...
На зацине-то было светла деницька,
На зори-то тут было да ноньце на утренной,
На восходе-то было да красна солнышка,
Тут става́ёт старо́й да Илья Муромець,
Илья Муромец ста́ваёт да сын Ивановиць,
Умываетсе он да клюцевой водой,

Утираетсе он да белым полотном,
А става́ёт да он нонь перед Господом,
А молитсе он да Господу Богу,
А крест-от кладёт да по-писа́нному,
А поклон-от ведёт да как ведь водитсе,
А молитву творит полну Исусову.
Сам надёрнул сапожки на босу ногу,
Да и кунью шубейку да на одно плецё,
Да пухов-де колпак да на одно ухо.
Да и брал он нынь трубочку подзорную,
Да выходит старо́й да вон на улицу,
Да и зрел он, смотрел на вси стороны:
Да смотрел он под сторону восточную —
Да и стоит-то-де наш там стольнё Киев-град;
Да смотрел он под сторону под летную —
Да стоят там луга да там зелёныи;
Да гледел он под сторону под западну —
Да стоят там да лесы тёмныи;
Да смотрел он под сторону под северну —
Да стоят-то-де там да ледены горы;
Да смотрел он под сторону в полуночю —
Да стоит-то-де нашо да синё морё,
Да и стоит-то-де нашо там чисто полё,
Сорочинско-де словно наше Кули́гово.
В копоти-то там, в тумане не знай — зверь бежит,
Не знай — зверь там бежит, не знай — сокол летит,
Да Буян ле славной остров там шатаитсе,
Да Саратовы ле горы да знаменуютсе,
А богатырь ле там едёт, да потешаетсе:
Попереди-то его да бежит серой волк,
Позади-то его бежит черной вожлок,
На правом-то плеце, знать, воробей сидит.
На левом-то плеце да, знать, белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калёную,
Да калёную стрелочку, перёную,
Не того же орла да сизокрылого,
Да того же орла да сизокамьского,
Не того же орла, которой на дубу сидит,

Да того же орла, которой на синём мори,
Да гнездо-то он вьёт да на серой камень.
Да подверх богатырь стрелоцьку подстреливат,
Да и на пол он стрелоцьку не ураниват,
На полёте он стрелоцьку подхватыват.
Подъеждят он ныне ко белу шатру,
Да и пишот нонь сам да скору грамотку,
На правом-то колене держит бумажецьку,
На левом-то колене держит чернильничу,
Во правой-то руке да держит перышко,
Сам пишот ерлык да скору грамотку,
Да подмётывал ерлык да скору грамотку
Да к тому же шатру да к белобархатному.
Да берёт-то стар казак Илья Муромец
Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напецятано:
«Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,
Я грометь-шурмовать да в стольнё Киев-град,
Я соборны больши церквы я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я пецятны больши книги да во грези стопчу.
Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгину да за себя возьму».
Да заходит тут стар тут во белой шатёр:
«Ох вы ой есь, вы дружинушка хоробрая!
Вы хоробрая дружина, да заговорная.
Уж вам долго ле спать, да нынь пора ставать.
Выходил я, старо́й, вон на уличу,
Да и зрел я, смотрел на вси стороны:
Да смотрел я под сторону восточную —
Да и стоит-то-де наш там стольнё Киев-град...»1
Тут скакали нынь все руськие богатыри,
Говорит-то-де стар казак Илья Муромец:
«Да кого же нам послать нынь за богатырём?
Да послать нам Самсона да Колыбанова —
Да и тот ведь — он роду-то сонливого,
Заневи́д потерят свою буйну голову;
Да послать нам Дуная сына Иванова —

Да и тот, он ведь роду-ту заплывчива,
Заневи́д потерят свою буйну голову;
Да послать нам Олёшеньку Поповиця —
Да и тот он ведь роду-то хвасливого,
Потере́ет свою буйну голову;
Да послать-то нам ведь Мишку да Торопа́нишка —
Да и тот он ведь роду торопливого,
Потереет свою буйну голову;
Да послать-то нам два брата, два родимыя,
Да Луку-де, Матвея, детей Петровицей, —
Да такого оне роду-то ведь вольнёго,
Они вольнёго роду-ту, смирёного,
Потеряют свои да буйны головы;
Да послать-то нам Добрынюшку Микитиця —
Да и тот он ведь роду он ведь вежлива,
Он вежлива роду-ту, очеслива,
Да умеет со мо́лодцом соехатсе,
Да умеет он со молодцом розъехатсе,
Да умеет он ведь молодцу и честь воздать».
Да уцюло тут ведь ухо богатырскоё,
Да завидело око да молодецькоё —
Да и стал тут Добрынюшка сряжатисе,
Да и стал тут Добрынюшка сподоблетисе:
Побежал нынь Добрыня на конюшен двор,
Да и брал он коня да всё семи чепей,
Да семи он чепей, да семи розьвезей,
Да и клал на коня да плотны пло́тьницьки,
Да на плотьницьки клал да мякки войлоцьки,
Да на войлоцьки седёлышко черкальскоё,
Да двенадцеть он вяжот подпруг шолковых,
Да тринадцету вяжот черезхребётную,
Через ту же он степ да лошадиную,
Да не ради басы да молодецькоей —
Ради крепости вяжот богатырьскоей.
Тут он признял он-де шапоцьку курцявую,
Он простилсе со всеми руськима богатырьми.
Да не видно поездки да молодецькоей,
Только видно, как Добрыня на коня скочил,
На коня он скочил, да в стремена ступил,

Стремена-те ступил, да он коня стегнул.
Хоробра была поездка да молодецкая,
Хороша была побежка лошадиная,
Во чистом-то поле видно: курива стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплютсе,
Из ноздрей у коня пламё мечетсе,
Да и сива-де грива да расстилаетсе,
Да и хвост-то трубой да завиваетсе.
Наежжаёт богатырь на чистом поли,
Заревел тут Добрыня да во первой након:
«Уж я верной богатырь, дак нынь напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь!»
А и едёт тотарин да не ёгле́нетсе;
Заревел-то Добрынюшка во второй након:
«Уж я верной богатырь, дак нынь напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь!»
А и едёт тотарин да не ёгленетсе;
Да и тут-де Добрынюшка ругатце стал:
«Уж ты гадина едёшь да перегадина!
Ты сорока ты ле́тишь да белобокая!
Да ворона ты ле́тишь да пустопе́рая,
Пустопе́ра ворона да по загуменью!
Не воротишь на заставу каравульнюю —
Ты уж нас, молодцов, видно, нечем считашь?..»
А и тут-де тотарин да поворот даёт,
Да снимал он Добрыньку да со добра коня,
Да и дал он на ж<опу> по отя́пышу,
Да прибавил на ж<опу> по аля́бышу,
Посадил он назад его на добра коня:
«Да поедь ты, скажи стару казаку —
Кабы што-де старой тобой заменяетсе,
Самому ему со мной ище делать нечево?»
Да поехал Добрыня да одва жив сидит,
Тут едёт Добрынюшка Никитьевич
Да к тому же к своему да ко белу шатру,
Да встрече́ёт его да ныньце стар казак,
Кабы стар-де казак да Илья Муромиц:
«Ох ты ой еси, Добрынюшка Никитиць блад!

Уж ты што же ты едёшь не по-старому,
Не по-старому ты едёшь, да не по-прежному,
Повеся́ ты доржишь да буйну голову,
Потопя́ ты дёржишь да очи ясныи?»
Говорит-то Добрынюшка Никитиць блад:
«Наежжал я тотарина на чистом поли,
Заревел я ему да ровно два роза,
Да и едёт тотарин, да не ёгленется;
Кабы тут-де-ка я ровно ругатсе стал,
Да и тут-де тотарин да поворот даёт,
Да сымал он меня да со добра коня,
Да и дал он на ж<опу> да по отя́пышу,
Да прибавил он еще он по аля́бышу,
Да и сам он говорит да таковы реци:
„Да и што-де старой тобой заменяетсе,
Самому ему со мной да делать нечего?“»
Да и тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалосе,
Могуци его плеця да расходилисе,
Ретиво его сердцё разгорецилосе,
Кабы ровно-неровно, бутто в котли кипит.
«Ох вы ой еси, руськие богатыри!
Вы седлайте-уздайте да коня доброго,
Вы кладите всю сбруню да лошадинную,
Вы кладите всю приправу да богатырьскую».
Тут седлали-уздали да коня доброго,
Да не видно поездки да молодецькоей,
Только видно, как старой нынь на коня скочил,
На коня он скочил, да в стремена ступил,
Да и прижнял он свой да нонь пухов колпак:
«Вы прощайте, дружинушка хоробрая!
Не успеете вы да штей котла сварить —
Привезу голову́ да молодецькую!»
Во чистом поли видно: курива стоит,
У коня из ушей да дым столбом валит,
Да из глаз у коня искры сыплютсе,
Из ноздрей у коня пламё мечетсе,
Да и сива-де грива да ростилаетсе,
Да и хвост-от трубой да завиваетсе.

Наежжаёт тотарина на чистом поли,
От того же от города от Киева,
Да и столько-де места — да за три по́прища.
Заревел тут старой да во первой након:
«Уж я верной богатырь, дак я напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь!»
А и едёт тотарин да не ёгленетсе;
Да и тут старой заревел во второй након:
«Ёж я верной богатырь, дак я напуск держу,
Ты неверной богатырь, дак поворот даёшь!»
Да и тут-де тотарин да не огленетсе;
Да и тут-де старой кабы ругатсе стал:
«Уж ты гадина едёшь да перегадина!
Ты сорока ты ле́тишь да белобокая!
Ты ворона ты ле́тишь да пустоперая,
Пустопера ворона да по загуменью!
Не воротишь на заставу каравульную —
Ты уж нас, молодцов, видно, нечем считашь?..»
Кабы тут-де тотарин поворот даёт,
Отпустил тотарин да нынь сера волка,
Отпустил-то тотарин да черна вожлока,
Да с права он плеця да он воробышка,
Да с лева-то плеця да бела кречета.
«Побежите, полетите вы нынь проць от меня,
Вы ищите сибе хозяйна поласкове,
Со старым нам съеждяться — да нам не брататьсе,
Со старым нам съежжатця — дак чья божья помочь».
Вот не две горы вместо да столканулисе —
Два богатыря вместо да тут соехались.
Да хватали они сабелки нынь вострыи,
Да и секлись-рубились да челы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Вострыя сабельки их да изломалисе,
Изломалисе сабельки, исщербилисе —
Да бросили тот бой да на сыру землю.
Да хватали-то палицы боёвыя,
Колотились-дрались да челы суточки,
Да не ранились они, да не кровавились,
Да боёвыя палицы загорелисе,

Загорелисе палицы, распое́лисе —
Да бросали тот бой на сыру землю.
Да хватали копейця да бурзомецькии,
Да и тыкались-кололись да челы сутоцьки,
Да не ранились они, да не кровавились,
По насадке копейця да изломалисе,
Изломалисе они, да извихнулисе —
Да бросили тот бой да на сыру землю.
Да скакали они нонь да со добрых коней,
Да хватались они на рукопашецьку.
По старо́му по бесчесью да по великому
Подоспело его слово похвальнёё —
Да лева его нога да окольздилосе,
А права-то нога и подломилосе,
Да и падал старой тут на сыру землю,
Да и ровно-неровно, бутто сырой дуб.
Да заскакивал Сокольник на белы груди,
Да и розорвал лату да он булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
Да и хочет пороть да груди белыя,
Да и хочет смотреть да ретиво серцё.
Кабы тут-де старой да нынь расплакалса:
«Ох ты ой есть, пресвята мать Богородиця!
Ты пошто этта меня ныньце повыдала?
Я за веру стоял да Христовую,
Я за церквы стоял да за соборныя».
Вдруг не ветру полоска да перепахнула —
Вдвое-втро́е у старого да силы прибыло,
Да свиснул он Сокольника со белых грудей,
Да заскакивал ему да на черны груди,
Да и розорвал лату да всё булатную,
Да и вытащил чинжалище, укладен нож,
Да и ткнул он ему да во черны груди —
Да в плечи-то рука и застояласе;
Тут и стал-де старой ныньце выспрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»
У поганого сердцо-то заплывчиво:
«Да когды я у те был да на белых грудях,
Я не спрашивал не роду тя, не племени».

Да и ткнул старой да во второй након —
Да в локти-то рука да застоялосе;
Да и стал-де старой да опеть спрашивать:
«Да какой ты удалой да доброй молодец?»
Говорит-то Сокольник да таковы реци:
«Да когда я у те был на белых грудях,
Я не спрашивал не роду тя, не племени,
Ты ище стал роды у мня выспрашивать».
Кабы тут-де старому да за беду стало,
За великую досаду да показалосе,
Да и ткнул старой да во третей након —
В заведи́-то рука да застояласе;
Да и стал-то старой тут выспрашивать:
«Ой ты ой еси, удалой доброй молодец!
Да скажись ты мне ноньце, пожалуйста:
Да какой ты земли, какой вотчины?
Да какого ты роду, коя племени?
Да и как тя, молодца, именём зовут?
Да и как прозывают от отечестви?»
Говорит-то Сокольник да таковы реци:
«От того же я от камешка от Латыря,
Да от той же я девчонки да Златыгорки,
Она зла полениця да преудалая,
Да сама она была ище одноокая».
Да скакал-то старой нонь на резвы ноги,
Прижимал он его да ко белой груди,
Ко белой-де груди, да к ретиву серцю,
Человал его в уста да нынь сахарныи:
«Уже ты чадо ле, чадо да моё милоё!
Ты дитя ле моё, дитя моё сердецьноё!
Да съезжались с твоей да мы ведь матерью,
Да на том же мы ведь на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились —
Сотворили мы с ей любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили;
Да поедь ты нынь к своей матери,
Привези ей ты нынь в стольно Киев-град,

Да и будешь у меня ты первой богатырь,
Да не будёт тебе у нас поединщиков».
Да и едёт Сокольник ко свою двору,
Ко свою двору, к высоку терему,
Да встрецят его матушка родимая.
«Уж ты цядо ле, цядо мое милоё!
Уж дитя ты моё, дитя сердечнёё!
Уж ты што же нынь едешь да не по-старому?
Да и конь-то бежит не по-прежному?
Повеся ты доржишь да буйну голову,
Потопя ты доржишь да оци ясныя,
Потопя ты их дёржишь да в мать сыру землю».
Говорит-то Сокольник да таковы реци:
«Уж я был же нынь-ныньце да во чистом поли,
Уж я видел стару коровушку базыкову,
Он тебя зовёт блядкой, меня — выбледком».
Говорит-то старуха да таковы реци:
«Не пустым-де старой да похваляетсе —
Да съежжались мы с им да на чистом поли,
Да и сила на силу прилучилосе,
Да не ранились мы, да не кровавились,
Сотворили мы с им любовь телесную,
Да телесную любовь, да мы сердечную,
Да и тут мы ведь, цядо, тебя прижили».
А и тут-де Сокольнику за беду стало,
За великую досаду показалосе,
Да хватал он матушку за черны кудри,
Да и вызнял он ей выше могуцих плець,
Опустил он ей да о кирпищат пол —
Да и тут-де старухе да смерть случилосе.
У поганого серьцё-то заплывциво,
Да заплывцево серьцё-то, разрывциво,
Да подумал он думу да промежду собой,
Да сказал он нынь слово да ныньце сам сибе:
«Да убил я топеря да родну матушку,
Да убью я, поеду, стара казака,
Он спит нынь с устатку да нонь с великого».
Да поехал Сокольник в стольнё Киев-град,
Не пиваючись он, да не едаючись,

Не сыпал-де он нынеце плотного сну,
Да розорвана лата нынь булатная,
Да цветно его платьё да всё истрёпано.
Приворачивал он на заставу каравульнюю,
Некого тут на заставы не случилосе,
Не случилосе-де нынь, не пригодилосе,
Да и спит-то один старой во белом шатру,
Да храпит-то старой, как порог шумит;
Да соскакивал Сокольник да со добра коня,
Да заскакивал Сокольник да нынь во бе́л-шатёр,
Да хватал он копейцё да бурзомецькое,
Да и ткнул он старому да во белы груди.
По старому-то по счастью да по великому,
Пригодилосе ле тут да золот чу́ден крест —
По насадки копейцо да извихнулосе;
Да и тут-де старой да пробужаитсе,
От великого сну да просыпаитсе,
Да скакал-де старой тут на резвы ноги,
Да хватал он Сокольника за черны кудри,
Да и вызнял его выше могуцих плець,
Опустил он его да о кирпищат пол —
Да и тут-де Сокольнику смерть случилосе.
Да и вытащил старой его вон на улицу,
Да и руки и ноги его он оторвал,
Розсвистал он его да по чисту полю,
Да и тулово свезал да ко добру коню,
Да сорокам, воронам да на расклёваньё,
Да серым-де волкам да на роста́рзаньё.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. 1902 г., д. Чуркина (на р. Пижме) Усть-Цилемской вол. — от Чуркиной Федосьи Емельяновны, 55 лет (уроженки д. Аврамовской на р. Пижме).)

1 Да и смотрел [я] под сторону под летную —
Да стоят там луга да там зелёныи;
Да глядел [я] под сторону под западну —
Да стоят там да лесы тёмныи;
Да смотрел [я] под сторону под северну —
Да стоят-то-де там да ледены горы;
Да смотрел [я] под сторону в полуночю —

Да стоит-то-де нашо да синё морё,
Да и стоит-то-де нашо там чисто полё,
Сорочинско-де словно наше Кули́гово;
В копоти-то там, в тумане не знай — зверь бежит,
Не знай — зверь там бежит, не знай — сокол летит,
Да Буян ле славной остров там шатаитсе,
Да Саратовы ле горы да знаменуютсе,
А богатырь ле там едёт, да потешается:
Попереди-то его да бежит серой волк,
Позади-то его бежит черной вожлок,
На правом-то плеце, знать, воробей сидит,
На левом-то плеце да, знать, белой кречет,
Во левой-то руке да держит тугой лук,
Во правой-то руке стрелу калёную,
Да калёную стрелочку, перёную,
Не того же орла да сизокрылого,
Да того же орла да сизокамьского,
Не того же орла, которой на дубу сидит,
Да того же орла, которой на синём мори,
Да гнездо-то он вьёт да на серой камень.
Да подверх богатырь стрелоцьку подстреливат
Да и на пол он стрелоцьку не ураниват,
На полёте он стрелоцьку подхватыват.
Подъеждят он ныне ко белу шатру,
Да и пишот нонь сам да скору грамотку,
На правом-то колене держит бумажецьку,
На левом-то колене держит чернильиичу,
Во правой-то руке да держит перышко,
Сам пишот ерлык да скору грамотку,
Да подмётывал ерлык да скору грамотку
Да к тому же шатру да к белобархатному.
Да берет-то стар казак Илья Муромец
Да и то у него тут написано,
Да и то у него тут напецятано:
«Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,
Я грометь-шурмовать да в стольне Киев-град,
Я соборны больши церквы я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я пецятны больши книги да во грези стопчу,

Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгину да за себя возьму».

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.